

Сергей Говорун

МЕТЛУЩАЯ
КАТОЛИЦИЗМ

Язычество
в
Христианстве

Сергей Говорун

КАТОЛИЦИЗМ:

Язычество В христианстве

Издание первое Киево-Печерской Успенской Лавры.

КИЕВ.

Типография Киево-Печерской Успенской Лавры.

1997.

Систематизация ересей

В 1889 году с подачи обер-прокурора Священного Синода Константина Победоносцева был издан очень интересный документ — «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых богословских степеней». В нем, в частности, было запрещено усматривать в ересях какое-либо «единство идеи». Наоборот, рекомендовалось вскрывать нелепость и бессвязность ересей.

Однако в действительности такой подход является в корне неправильным, так как все ереси на самом деле имеют один корень, в разных формах выражают одну и ту же интуицию. Как прекрасно показал русский философ А.Ф. Лосев, эта интуиция есть стремление отделить тварь (т.е. все, что сотворено Богом) от Творца, аннулировать тот величайший дар, который человечество и весь мир получил через Христа — возможность непосредственного соединения с Богом.

Православие и инославие

Так, на протяжении всей истории Христианской Церкви друг другу с неотступным упорством противостоят два способа существования: жизнь в соединении с Богом, когда тварь от соприкосновения с Ним сама обожается; и жизнь без Бога, когда в Него верят только теоретически, не участвуя в Его жизни. Эти две антагонистические тенденции можно назвать соответственно **православием** и **инославием** (в любых его видах).

Действительно, если мы обратимся к истории Церкви, то убедимся в справедливости такого разделения. Первой серьезной опасностью, угрожавшей Церкви, было арианство, едва не поглотившее всю Римскую империю в IV веке и проникшее далеко за ее пределы. Суть этого лжеучения в том, что Христос — тварь, хотя и самая высшая. В таком случае при Его воплощении тварь соединилась с тварью — Бог же для мира и человека остался совершенно недоступным.

Этому было противопоставлено православное учение о Единосущии Сына Отцу, которое получило название Омоусианства и было отстояно на Вселенских соборах в Никее (325 г.) и Константинополе (381 г.).

Идеология богоборчества попыталась уничтожить Православие в следующем, V веке, приняв вид ереси **монофизитства**. Суть ее в том, что Христос, будучи Богом, имел одну Божественную природу. Его человеческое естество при воплощении полностью поглотилось Божеством. Но и в этом случае Бог оказывается недоступным для твари: сфера нашего бытия не входит в сферу бытия Божественного, оставаясь для нее совершенно чужой. Данное попузновение богоборческих сил было пресечено на IV Вселенском соборе, состоявшемся в 451 г. в Халкидоне.

Приблизительно в то же время возникло движение, противоположное монофизитству — **несториканство**. Эта ересь учила, что Христос был обыкновенным

человеком, на которого просто сошел Дух Святый. В этом случае Христос остается «по эту сторону» грани, отделяющей тварное и нетварное бытие, и не может их связать.

Следующем этапом борьбы Православия и инославия была эпоха **иконоборческих споров**. Иконоборцы отрицали икону, основываясь на ветхозаветном запрещении изображать Бога. Однако Бог воплотился и поэтому принципиально стал изобразим. Те же, кто отрицает икону, по словам преп. Феодора Студита, отрицают и Боговоплощение. То есть здесь мы опять видим попытку разъединить тварь и Творца.

**Католичество:
рецидив богоборчества.
Исихазм и варлаамитство**

После победы Православия над иконоборчеством дух богоборчества на некоторое время оставил в покое Церковь Божию, пока, наконец, не попытался нанести ей самый сокрушительный,

по сравнению с предыдущими эпохами, удар, который расколол христианство, в результате чего образовалось **католичество**.

Исторически богоборческая суть католицизма наиболее откровенно проявилась в XIV веке, в так называемую эпоху **паламитских споров**. Ее ревностным защитником оказался калабрийский монах Варлаам, получивший блестящее образование на Западе. Он был начитан в святоотеческих творениях, что позволило ему по приезду в Византию, занять пост учителя богословия при императорском дворе в Константинополе. Здесь он столкнулся с молитвенной практикой монахов-**исихастов**.

Слово «исихазм» происходит от греческого *σιγή* (исихия) — «молчание». Это состояние внутреннего молчания и невозмутимости, стояние ума в Боге. Практически все святые отцы описывали это состояние как цель Православного подвижничества.

Исихаст созерцает Божественный свет, пронизывающий все его естество изнутри и проявляющийся даже наружу, как это было описано, например, в беседе Мотовилова с преп. Серафимом Саровским.

Исихасты описывают этот свет как нетварный, отождествляя его с тем, которым просиял Христос на горе Фавор. Вот как об этом написано в первой гоимии Св.Макария Египетского¹:

Душа, удостоившаяся причастия Духу в свете и просвещенная сиянием Его невыразимой славы, когда Он сделал ее Своей обителью, становится всецело светом, всецело ликом, всецело оком, и не остается в ней ни единой части, которая не была бы полна светоносных духовных лучей. Другими словами, в ней уже нет ничего мрачного, но вся она Свет и Дух, вся полна глаз, не имеет более обратной стороны, но со всех сторон являет свое лицо, и неопиcуемая красота славы и света Христовых приходит в нее и пребывает в ней. Как солнце во всем

подобно самому себе, не имея обратной стороны и худшего места, но все целиком сияя светом, так и душа, просвещенная невыразимой красотой, славой и ликом Христовым, исполненная Святого Духа, сочтенная стать обителью и храмом Бога, есть всецело око, всецело свет, всецело лик, всецело слава и всецело Дух. И Христос соответственно украшает ее, неся, исправляя, поддерживая и ведя ее, и таким образом просвещает ее и увенчивает духовной красотой.²

Именно опыт созерцания нетварного Божественного света соблазнил Варлаама, который тут же восстал против исихазма, называя его ересью «двубожия»: будто один Бог — Тот, который пребывает на Небесах духовных, а другой — Свет, который видят внутренним зрением монахи. Однако в защиту исихазма выступил бывший афонский монах, Солунский архиепископ Григорий Палама, причисленный позже к лику святых.

Богословие божественных энергий. Обожение твари.

Согласно его учению, этот свет не есть ни сущность Божия, так как последняя совершенно непознаваема, ни тварное вещество, как о нем говорил Варлаам.

Он — присносушная энергия³ сущности Божией, отличная от самой сущности, но неотделимая от нее. Паламиты (сторонники св. Григория Паламы) говорили, что имя «Бог» должно быть прилагается не только к сущности Божией, но и к Его энергиям. Всякая энергия и все энергии вместе суть Сам Бог, хотя Бог и не есть Его энергия — ни какая-нибудь одна, ни все, взятые вместе.

Именно в Своих энергиях Бог выступает из Самого Себя и входит в тварный мир. И мы познаем Бога только в Его энергиях. Однако Божественная благодать, изливаясь в мир и освящая его, сама не становится тварью, но продолжает быть неотделимой от Бога, то есть Самим Богом.

В связи с этим становится ясным назначение мира и человека: оно — в **обожении**. Об этом свидетельствует множество святоотеческих текстов. Например, св. Григорий Богослов в «Похвале Василию Великому» приводит следующие его слова:

Человек — это животное, призванное стать Богом.⁴

Также св. Максим Исповедник пишет к Фалассию:

Став Богом через обожение, человек мог бы с Самим Богом созерцать дела Божии, обрел бы познание их в Боге.⁵

Онтологическое безбожие католицизма.

Варлаам же, объявив благодать тварной, тем самым отнял у твари возможность обожения, соединения с Творцом. А.Ф.Лосев очень смело даже для ревностных обличителей католичества называет латинство полным безбожием. И это сказано не в порыве благородного гнева, но со спокойной рассу-

дительностью. Действительно, существует два вида атеизма: теоретический и практический. Первый — это когда говорят: Бога нет. Второй — когда говорят: Бог есть, — но живут так, как будто Его на самом деле нет. Мы же определим еще и третий вид атеизма: **онтологический**. Это когда и верят в Бога, и будто стараются жить по Его заповедям, но не исповедуют онтологического, реального соединения с Ним, а потому не имеют и опыта такого соединения. Именно подобного рода атеизмом являются и являлись все ереси:

Итак, омоусианство, дифизитство, иконопочитание, исихазм и имяславие⁶ суть единое православно-восточное, византийско-московское, мистико-символическое и диалектико-мифологическое учение и опыт. Арианство, монофизитство и монофелитство⁷, иконоборчество, варлаамитство и имяборчество есть единое безбожное мировоззрение и опыт, которому трижды анафема да будет, купно с эллинизмом, латинизмом и западным возрожденским басурманством.⁸

Анафема на латинство в его варлаамитском преломлении была провозглашена Константинопольским собором 1351 года, который некоторыми богословами приравнивается к Вселенскому собору. Тем не менее учение Варлаама прочно вошло в самую суть латинства. Так, например, современный католический священник Всеволод Рошко в письме к о. Александру Меню писал следующее:

Католическим семинаристам в паломничестве я не могу указать в монастырских усыпальницах Иудейской пустыни на то, что черепа сохраняют «дух святости». Для них это может быть только шутка и от неожиданности они хохочут. Чего я не могу сказать семинаристам, тому русские евреи охотно верят и сами удостоверяются...⁹

Онтология католицизма.

На что же опираются католики в своем учении о тварности благодати? В основе онтологии (учении о сущем) католичества лежат взгляды, высказанные греческим языческим философом Аристотелем и разработанные затем латинским богословом Фомай Аквинским, жившим в XIII веке. Суть их в том, что все существующее есть **субстанция** (substantia), имеющая определенные **качества** (accidentes).

Для католиков благодать и есть это самое accidens — доброе свойство души, приобретенное в результате действия Божия. То есть для них благодати без объекта ее воздействия просто не существует: не будет души, на которую можно воздействовать, не будет и благодати. И потому именно благодать в латинстве является тварной, что она есть результат действия Божия, как и весь мир.

Католичество совершенно не может допустить, что благодать есть нетварная substantia, ибо в таком случае она ничем не отличается от сущности Божией (Essentia Dei), которая абсолютно трансцендентна для твари, то есть недоступна для позна-

ния с ее стороны (таково учение и Православной Церкви). Таким образом благодать тоже оказывается недостижимой для твари, отчего теряется смысл воздействия ее на последнюю. Также большой проблемой для латинского богословия, если принять нетварность благодати, является способ происхождения субстанциональной благодати из сущности Божией. Чтобы его определить, можно пойти двумя путями.

Первый — это сказать, что существует два Бога: один — в виде сущности, а другой — в виде благодати. Собственно говоря, именно в подобном «двубожии» обвинял Варлаам православных. Второй путь — предположить, что благодать есть истекающая (эманирующая) в мир от своего избытка сущность. Но тогда это будет чистой воды неоплатонизм, в котором католические богословы обвиняют восточных Отцов и Православие вообще.

Однако ни первое, ни второе предположения не верны, потому что благодать не есть сущность Божия, но

восияние и энергия, нераздельно и вечно происходящее от самой Божественной сущности.¹⁰

Для того, чтобы это понять, нужно отказаться от категорий Аристотеля. Католичество же не пожелало этого сделать, хотя данные категории опровергаются опытом Богообщения и Богопричастия практически всех Отцов-созерцателей, видевших нетварный свет.

Их онтология приписывает Богу, миру и человеку три вида существования: ипостась, сущность и энергия. Вот как об этом пишет современный греческий богослов Х.Яннарас:

Итак, богословие христианской Церкви интерпретирует всякое проявление и осуществление бытия исходя из двух основных различий: во-первых, оно отличает сущность, или природу, от личности, или ипостаси; а во-вторых, отделяет энергии как от сущности, так и от ипостаси. В этих трех фундаментальных категориях природы, ипостаси и энергий исчерпывающе выражено богословское понимание способа существования Бога, мира и человека.¹¹

На вопрос, почему католики ставят категории язычника Аристотеля выше святоотеческих свидетельств, они дают вполне однозначный ответ: так определил папа. Таким образом, уже сейчас мы можем обозначить основное различие между католичеством и Православием: первое зиждется на Аристотеле¹² и папе, а второе — на Святых Отцах.

Итак, по благословению папы в христианство был впушен яд язычества.

Сам католицизм и есть это язычество в христианстве.¹³

**Рецидив язычества:
папизм.**

Да и папизм по своей сути есть типичный рецидив язычества. Мы не будем рассматривать несостоятельность учения католичества о главенстве

апостола Петра и о том, что римские епископы являются его преемниками. Для нас будет достаточно увидеть, что значит безошибочность папы в вопросах веры и нравственности, когда он говорит со своей кафедры (ex cathedra). Это есть не что иное, как языческий **пифизм**, который известен по имени древнегреческих пророчиц-пифий. Они перед пророческими «сеансами» обкуривались различными наркотическими веществами и травами, отчего впадали в забытие. В таком состоянии они изрекали пророчества, совершенно не осознавая их.

Условия истинного пророчествования.

Напротив, совершенно другим является способ истинного пророчества. Оно осуществляется благодаря тому, что пророк Божий, очистив свое сердце от страстей, может сам созерцать неизреченные Божии тайны, понимая и осознавая их. Благодаря этому он изрекает их, то есть пророчествует. Чтобы понять пророка, нужно самому иметь соответствующий духовный опыт. Недаром поэтому св. Григорий Чудотворец сказал, что понять пророка может только пророк. Об этом же говорит выдающийся католический богослов Ганс Урс фон Бальтазар, духовный опыт которого не вмещается в узкие рамки католицизма:

Кто хочет без риска включиться в цепь Предания и передавать богатства богословия приблизительно так же, как рабочие передают куски песчаника из рук в руки, надеясь таким образом понести наименьший ущерб, тот станет жертвой глубокого самообмана. Просто потому, что мысли — не камни, и к тому же, начиная с пасхального утра, началась борьба между камнем и духом...

Учение о Троице, о Богочеловеке, об Искуплении, о Кресте и Воскресении, о Промысле и эсхатологии буквально распирает от вопросов, которых никто не касается и каждый с уважением обходит. Прежде всего это свидетельствует о непонимании. Мышление предшествующих поколений, даже и тогда, когда оно завершалось соборными решениями, никогда не было ложем отдыха для мышления последующих поколений. Определения — не столько цель, сколько начало... Несомненно, ничто из того, что было завоевано с такими усилиями, не будет утрачено Церковью. Но ничто и не освобождает богослова от настоящего возвращения к этой работе. То, что только убрано в хранилище, лишь передает-ся без нового личностного участия (которое начинается ab ovo, от истока, открывшего себя самого), как манна, портится. И чем дольше будет перерыв в живом Предании, вызванный его простой механической передачей, тем труднее будет возвращение к этой задаче.¹⁴

Таким образом, истинный ветхозаветный или новозаветный пророк есть не пассивный участник пророчества, годный только для того, чтобы его рукой оно механически было записано, но активный сотрудник Бога, и от него требуется осознание и понимание пророчествуемого.

Как отметил А. В. Карташев, способ, каким Бог открывал Себя людям через пророков, становится ясным в свете халкидонского догмата, который гласит, что во

второй Ипостаси Святой Троицы при воплощении Сына Божия неслитно и нераздельно соединились два естества: Божеское и человеческое. Подобно этому и для осуществления пророчества необходимо как воздействие благодати Божией, так и творческое усилие самого человека.

Папа же, согласно католическому вероучению, провозглашает истины веры, то есть пророчествует ex cathedra независимо от своего нравственного состояния и чистоты сердца. Он, по сути, может даже не понимать вполне того, что говорит. Если же нам скажут, что папа перед провозглашением нового догмата тщательнейшим образом исследует его, на это можно возразить цитированными уже словами св. Григория Чудотворца, что для понимания догмата мало одного интеллекта — для этого нужна святость¹⁵. Поэтому католицизм выступает как монофизитство и язычество.

Рецепция Церковью языческой культуры.

Нам опять могут возразить, что Православие ведь тоже приняло в себя многие идеи языческой античной мысли, особенно платонизма. В принципе это верно. Но критерием допуска в христианство идей античных философов для восточных святых отцов было прежде всего Библейское откровение и тот мистический опыт евангельской жизни, который они имели. Именно поэтому Церковь, принимая некоторые мысли из учения Платона, «ничтоже сумняшеся» неоднократно предавало многие его же идеи, противоречившие Откровению, анафеме, ставя христианство выше платонизма. Это нашло себе отображение, например, в литургических текстах Церкви. Так в одном из тропарей девятой песни канона на утрени в четверг третьей недели Великого поста читаем:

*Петр витийствует, и — Платон умолче. Учит Павел, Пифагор постыдися.
Также апостольский богословий собор эллинское мертвое вещание погребает и
совоставляет мир ко служению Христову.*

Также, по крайней мере, на трех Соборах, одном Вселенском и двух Поместных, Платон и платонизм были преданы анафеме. Во-первых, платонизм в лице Оригена был осужден на V Вселенском соборе 553 года. Во-вторых, многие пункты учения об идеях были анафематствованы на соборе 1076 года, осудившем платонического философа Иоанна Итала. И о третьем случае мы уже упоминали в связи с анафематствованием варлаамитства на Константинопольском соборе 1351 года. Дело в том, что учение Варлаама включало в себя не только аристотелизм, но и платонизм.

Таким образом мы видим, что элементы платонизма в восточное христианство были впущены через четко откалиброванную мембрану, так что в него не проникло и грамма язычества.

В католичество, напротив, язычество влилось без всякой серьезной преграды, так как охранителем христианства от чуждых влияний там был поставлен папа, фун-

кционирование которого само носит языческий характер.

Неотомизм о творении мира.

Еще одним замечательным примером этого является учение латинства о тварности мира. Согласно логике Аристотеля, мир не может не быть совечным Богу. И в логических сетях, расставленных Аристотелем, запутался Фома Аквинат. Он не знал, как опровергнуть доводы Философа, как он именовал Аристотеля в своей *Summa theologiae*. Однако выход из этой сложной ситуации был им найден, и очень своеобразно. Он отделил сферу веры от сферы разума. По разуму Фома готов считать мир безначальным, но по вере, то есть согласно Откровению, он без всякого сомнения признает мир имеющим начало в акте творения.

Эта позиция Аквината, до сих пор имеющего огромный вес в католическом богословии, на долгое время совершенно замутила идею творения. В конце концов в современной идеологии неотомизма, признаваемой католической церковью, эта двусмысленность выродилась в согласие с учением о нетварности материи. В том, что это действительно так, мы можем убедиться, ознакомившись с воззрениями лучшего из комментаторов Фомы Аквинского, выдающегося представителя неотомизма *Sertillanges'a*.¹⁶

Творение, по его мнению, есть не что иное, как полная зависимость (*dependance totale*) мира от Бога, и не больше. По утверждению профессора отца Василия Зеньковского,

*все неотомисты, во главе с Sertillanges, пытаясь утверждать одновременно безначальность мира и его зависимость от Бога, хотят утвердить это противоречивое суждение.*¹⁷

Как говорится, комментарии здесь излишни — налицо откровенное язычество, вытеснившее собой в католическом богословии христианские идеи.

Говоря дальше о язычестве в западном христианстве, мы придем к одному из главных причин расхождения между Православием и латинством — вопросу об исхождении Духа Святого от Отца и Сына, который в богословской литературе получил название *Filioque* (Филиокве)¹⁸. Простые люди не видят большой разницы между тем, что сказать: «от Отца исходящего» или «от Отца и Сына исходящего». Множество недалеких богословов также склонны сводить *Filioque* к чисто филологической проблеме, говоря, что католики и православные учат об одном и том же, лишь выражая свое учение разными словами.

Проблема Filioque.

Здесь прежде всего нужно различать два плана бытия Святой Троицы: Святая Троица Сама в Себе — *ad intram*, и Бог, выступающий Своими энергиями в мир — бытие Святой Троицы *ad extram*. В мир Святой Дух действительно исходит через Сына, а в сокровен-

ном троичном бытии Он исходит только от Отца. Это учение очень тонко выражено в словах Самого Христа:

Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит (Ин. 15, 26).

Здесь один глагол — «пошлю» — стоит в будущем времени, что говорит об исхождении Духа Святого и от Сына во временном плане. Другой же глагол — «исходит» — безотносителен ко времени и говорит об исхождении Духа Святого от Отца в вечном, вневременном плане. Таким образом, католицизм смешал два плана бытия Божия: *ad intram* и *ad extram*.

Но и это еще не все заблуждение католичества по вопросу *Filioque*. Данное лжеучение, как это ни парадоксально, лучше всего знаменует собою глубочайшее отступление католичества от христианства в сторону язычества. Интересны в этом смысле мысли А.Ф.Лосева о роли *Filioque* в католичестве. Он считает его основой латинского платонизма (аристотелизма) и пишет:

Filioque является основным, самым глубоким и самым первоначальным расхождением католичества с православием. Тут именно с наибольшей принципиальностью прошла разница между византийско-московским православием... и — римским католичеством...¹⁹

Filioque лежит также у католиков «в основе их внутреннего устройства и молитвенной практики»²⁰.

о чем подробнее будет сказано ниже.

Ипостась и сущность.

Для того, чтобы аргументировать подобные утверждения, нам необходимо исследовать ту духовную пропасть язычества в католичестве, которая скрывается под *Filioque*. Необходимой помощью в этом для нас будет краткий экскурс в богословие личности и сущности.

Это вообще кардинальнейший вопрос православного богословия, без понимания которого невозможно разобраться ни в вероучении Церкви, ни в ересь, которые все без исключения возникли как результат смещения двух указанных понятий. Начать здесь стоит со слов св. Григория Нисского:

Моисей излагает ... некое сокровенное учение и таинственно сообщает откровение о душе, о котором мечтала и внешняя ученость, но не уразумевала его в ясности.²¹

То есть святой отец пишет, что христианство позволило увидеть в человеке нечто такое, что язычество было просто не в состоянии видеть.

Это есть личность, ипостась человека. Ее невозможно ни определить, ни каким-нибудь образом охарактеризовать. О ней можно говорить только апофатически: она не есть ни ум, ни душа, ни воля, ни чувство, ни характер человека. Она есть тварный абсолют мироздания, который можно ощутить только в опыте общения друг с дру-

гом. Как заметил Х. Яннарас, синонимом слова «личность» может быть слово «инаковость» — то, что делает человека уникальным и неповторимым во всей вселенной.²²

Помочь понять, что есть личность, может следующее предположение. Предположим, что есть человек, которого Вы любите. Но вот Вам предложили так же полюбить другого человека, имеющего абсолютное сходство с любимым Вами: в чертах лица, голосе, характере, манерах, привычках и т.д. Это будет невозможным, так как любовь есть связь между личностями, которые не сводятся ни к одной из указанных характеристик.

Говоря другими словами, к личности относится вопрос: кто? — а к сущности: что? То есть личность есть субъект, который невозможно объективировать, а сущность — объект.

Достаточно точные слова о личности есть в романе отца Иоанна (Экономцева) «Тайна восьмого дня»:

Я невольно задумался: что же такое человеческая личность, если ее невозможно определить словами, а значит, понять умозрительно, постичь умом? Все определения: «умный», «добрый», «злой», «смелый», «трусливый» — не являются ли холодными, мертвыми кирпичами, из которых не создать живой, трепещущей плоти? Сколько бы мы не выбирали этих слов, все они подойдут для определения очень многих людей, но не одного, единственного человека. Личность нельзя свести к количественным манипуляциям словами, это абсолютное качество, которое можно ощутить лишь иррационально и которое неповторимо... В неповторимости каждого человека — его высшая ценность. Уничтожение личности равносильно крушению мира.²³

К этому стоит только добавить, что личность не есть субстанция, но ипостазиирует собою человеческую сущность, которая одна есть субстанция (духовная или вещественная). Для католичества же личность субстанциональна, как писал о ней Бозций:

*Личность есть индивидуальная субстанция
(substantia individua) разумной природы.²⁴*

Таким образом она оказывается лишь частью сущности.

Эти же свои понимания человеческой личности православие и католичество соответственно перенесли в свои учения о Святой Троице — триадологию. О правомочности такого переноса говорил св. Василий Великий в следующих словах:

Какое понятие приобрел ты о различии сущности и ипостаси в нас, перенеси его и в божественные догматы (то есть в учение о Боге-Троице) — и не погрешай.²⁵

Итак, согласно православному вероучению, три Божественные Ипостаси суть

три Личности, три Самосознания. Они отличаются от человеческой личности только Своей нетварностью. Они ипостасируют Собой Божественную сущность, которая сама по себе, не будучи ипостасирована, существовать не может. Вообще говоря, Ипостась есть основа и утверждение бытия, его стяженность, по выражению отца Андрея Кураева. Почему и в Септуагинте «основание дома» переведено как «ипостась дома». Х.Яннарас так пишет о вкладе отцов-каппадокийцев в троичное богословие Церкви:

Впервые в истории бытие, то есть существование вообще, не рассматривается более как нечто самосущее... Сущее в его конкретных проявлениях не предопределено сущностью, приданной ему извне...

В христианском богословии не сущность предшествует и предопределяет собою экзистенцию. То, что создает саму возможность существования, изначальную предпосылку бытия, есть личность. Личность предшествует всему как сознание своей абсолютной инаковости, или абсолютной свободы от какого бы то ни было предопределения, какого бы то ни было принуждения — будь то принуждение ума, способа существования или же природы.

Личный Бог является для Церкви источником и причиной бытия. Бог не есть некая заданная Сущность, предшествующая Лицам. Напротив, Он прежде всего Личность, которая совершенно свободно ипостасирует Свое Бытие, Свою Природу — то есть образует Ипостаси в предвечном рождении Сына и исхождении Духа. Личность Бога-Отца предшествует и предопределяет Собой Его Сущность, но не наоборот.²⁶

Католическое учение о Божественных Ипостасях и сущности.

Для Запада же, напротив, Сущность является первичной, а Личность — вторичной (вспомните, как Боэций называл человеческую личность субстанцией, что на самом деле можно сказать только о природе). Латинские богословы считают, что Ипостаси суть только отношения внутри Единой Природы. Например, Боэций замечал, что подлежащим личности является природа (цит.соч.,с.171.), тогда как в Православии наоборот: личность — подлежащее, а ей в обладание дается природа. И Фома Аквинат семью веками позже писал:

*Название Лицо означает отношение.*²⁷

Что это значит, объясняет кардинал Й.Рацингер:

Диалог и отношение столь же изначальные формы бытия как и субстанция. Августин отчеканил эту мысль в следующей форме: «Отцом Он называется не по отношению к Себе, а только в отношении к Сыну, относительно Самого Себя Он есть просто Бог.» Здесь открывается следующее. «Отец» — чисто относительное понятие. Лишь в Своем бытии-для-другого Он есть Отец, в Своем бытии-в-Самом Себе Он есть просто Бог (то есть сущность, субстанция —

То есть для католиков Бог есть прежде всего субстанция, в которой существуют особые ее виды: Отец, Сын и Дух Святой. Это особенно видно в латинском учении о Духе Святом. Он здесь представляется как Любовь между Отцом и Сыном. Однако, согласно учению восточных отцов Церкви, особенно автора Ареопагитик²⁹, любовь — это одна из энергий Божиих. Таким образом, католики безличностному действию приписывают ипостасные свойства.

Это-то и есть языческая основа латинской триадологии. Католицизм так и не понял христианского откровения о личности, оставшись на позициях язычества, обоготворявшего безличностные силы и стихии, пускай они даже были сверхприродными.³⁰ Обезличивание Бога и привело к Filioque, как об этом пишет профессор В.В. Болотов:

У них (восточных богословов) как рождение Сына, так и исхождение Духа рассматривались как ипостасные свойства. Но латинские богословы удержали старый термин «ex substantia» (из сущности) и для них исхождение Святого Духа представлялось «actus substantiae» (действие субстанции). Поэтому для них естественным было требование, чтобы и Сын мыслился как изводящий Духа, ибо существо Отца и Сына одно и то же. Являлось даже предположение, не исходит ли Дух и от Самого Себя, но этот вывод был бы уж слишком радикален. Таким образом, различие между нами и латинянами заключается в глубине мысли: для нас исхождение Духа есть акт ипостаси, а для латинян акт сущности.³¹

На том, как остальные догматы католичества вытекают из Filioque, мы не будем сейчас заострять внимание. Интересующимся же этим вопросом можно посоветовать прочитать главу «Прочие латинские догматы и молитвенная практика» в цитированной ранее книге А.Ф.Лосева «Очерки античного символизма и мифологии» (с. 883-892).

**Связь между
учением и
молитвой.**

Сейчас же нужно подробнейшим образом остановиться на том, как еретические взгляды католичества отражаются на духовной жизни католиков.

Подобная связь между мировоззрением и жизнью несомненна. О ней св. Ефрем Сирийский писал следующее:

Пусть будет для тебя всего предпочтительнее вера во Святую Троицу; потому что без сей веры невозможно жить истинной жизнью.³²

В самом деле, ересь считается одним из смертельных грехов. Почему? Только потому, что догматические заблуждения не позволяют человеку выйти на истинный путь духовности, но уведат его в область прелести.

В связи с этим становится понятным значение догматов: это «забор», ограждающий безопасную для духовного развития «территорию». Выйти за эту территорию —

это значит подвергнуть себя смертельной опасности.

Филиоквистическая молитва.

Какой же смертельной опасности подвергает католиков филиоквизм? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить о том, что было сказано выше: общение возможно только благодаря личности. Поэтому невозможно общение личности с субстанцией — бессмысленно обращаться, скажем, к ноге человека, — можно разговаривать только с самим человеком.

Поэтому в молитве люди должны приобретать опыт общения со Святой Троицей, а не Божественной Сущностью, которой невозможно молиться.³³ Отец Иоанн Мейендорф об этом пишет:

*Троичность для византийского *lex orandi*³⁴ остается первичным и конкретным опытом, тогда как единство Божественной природы было всегда предметом веры, всегда соединяемым с утверждением абсолютной непознаваемости Божественной природы. То есть троичность является предметом молитвенного опыта, и всякий истинный молитвенный опыт должен быть опытом троичности.³⁵*

Запад же не имеет такого опыта; для него Святая Троица — это предмет только веры, но не опыта, как по этому поводу замечает тот же отец Иоанн Мейендорф

Средний западный христианин (особенно протестант³⁶) рассуждает как раз наоборот: он верует в Бога вообще, но утверждение Его Троической природы считает ненужным умствованием или пережитком прошлого.³⁷

А это есть главное свидетельство об отсутствии истинной духовности в латинстве. Если бы она была, то есть было бы подлинное Богообщение, то католики имели бы опыт Святой Троицы и не посмели бы вводить *Filioque*.

Так, Патерик повествует о следующем случае. Однажды к некоторому старцу пришел монах. Они заговорили о Божественных догматах, и оказалось, что гость в одном вопросе заблуждался. Старец ничего ему не сказал, но предложил вместе помолиться. Они промолвились всю ночь. Утром монах, встав от молитвы, признал свою ошибку. Молитва этих иноков была искренней и истинной.

Асимволизм католичества.

Неистинность католической молитвы обусловлена не только *Filioque*, но учением о тварности благодати и **асимволизмом** католичества, который является еще одной инфильтрацией язычества. Рассмотрим, что он из себя представляет. Перед человеком всегда стояла проблема выразить или представить духовные предметы видимым образом. В духовном мире господствуют бесконечные величины (кстати говоря, они господствуют и в материальном мире, но мало кто отдаст себе в этом отчет). Как их выразить конечными средствами, находящимися в

распоряжении человека? Эта проблема решается с помощью символа³⁸. Это слово происходит от греческого глагола, который значит «сбрасывать в одно место», «соединять». В символе могут соединиться две реальности — бесконечная и конечная. Первая может быть выражена с помощью последней. Например, символом Бога можно считать солнце (и в христианской гимнографии Он называется «Солнцем Правды»). Действительно, как солнце светит из себя, а не отражая свет, так и Бог есть самосуший источник бытия, благодати, красоты и прочих Божественных энергий. Как солнце согревает все, так и Бог любит всех одинаково бесконечно — и праведных, и грешных. Как солнце своими лучами оживляет природу, так и Бог животворит мир Своею благодатью. И таких соответствий можно привести множество. Однако в символе нужно четко видеть различие между самим символом, в его конкретной вещественности, и реальностью, которую он обозначает, и не смешивать их. Можно считать солнце символом Бога, но нельзя ему поклоняться как Богу. Именно такое смешение и характеризует язычество. Оно же, как было уже сказано, проникло и в католицизм. Конечно, католицизм не преератился в идолопоклонство, но в нем произошло смешение «вещества» символа и идеи, которую он обозначает:

Римским католичеством... в основание положена не просто сущность и идея, но ее тождество с материей и телом, что и есть туп фактическое первоначало.³⁹

Примеров такого асимволизма множество, но одним из наиболее ярких может быть приведен папизм, как экстернализация авторитета в Церкви. Папа мог быть символом авторитета в Церкви, как всякий епископ представляет собою Христа. Но он не мог становиться самим авторитетом, как епископ не может заменить собой Христа. Очень сильно языческий асимволизм католичества выражен в молитвенной практике латинства. Известно, что символом взаимоотношения человеческой души и Бога является брак и брачная любовь, о чем подробнее будет сказано ниже. Однако для католических мистиков этот символ утратил свою «символичность» и одухотворенность, что привело к сексуализации латинской мистики, что мы сейчас и рассмотрим подробнее.

**Этика
непреображенного
эроса. Экстаз
Терезы Авильской**

Возьмем в качестве примера степени восхождения к экстазу, как они описаны католической святой, имеющей титул «Учительницы Церкви» (Doctrissa Ecclesiae)⁴⁰, Терезы Авильской, жившей в XVI веке в Испании. Это описание приводится Д.С.Мережковским в книге «Испанские мистики».⁴¹

Первая степень — самопогружение, когда

медленно душа погружается как бы в сладостный обморок. (с.63)

Тогда молитва может даже мешать сладостному оцепенению души, что говорит о

том, что общение с Богом происходит не ради Самого Бога и любви к Нему, «не ищущей своего» (I Кор. 13,5), но ради определенных душевных ощущений, самодовольствования:

От этого внутреннего сосредоточения происходит такой сладостный мир и покой, что, кажется, душе уже нечего желать..., и даже молитва для нее ненужная усталость; душа хотела бы только любить. (с.63)

Вторая степень — «восхищение», «исступление». Мережковский проницательно сравнивает ее с предэпилептическим состоянием или «богоодержимостью» античных мистерий Диониса. Он иллюстрирует ее словами Вергилия, у которого Сивилла

силится сбросить одерживающее ее божество, как бешеный конь сбрасывает всадника, но, укрощаемая ударами и толчками бога, принуждена вещать, с пеной у рта. (с.65)

Это не что иное, как состояние беснования. И о самой Терезе ее духовник, прочитавший ее книгу, сказал, что она бесноватая. Может быть, это и не так, но описание состояния истерии в ее словах налицо:

Мало-помалу все труднее становится дышать..., естественная теплота тела исчезает..., руки холодеют, как лед и коченеют, как палки; тело остается в том положении, стоячем или коленопреклоненном, в каком застало его Восхищение, а душа погружается в блаженство... — в не выносимое больше пяти секунд чувство вечной гармонии... Разум и память находятся тогда в состоянии, подобном сумасшедшему бреду. (с.65)

Как противоположность этим описаниям предстает беседа преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым о пребывании в Духе Святом. Мотовилов испытывал при этом совсем другие ощущения: покоя, радости, теплоты и т.п.

Третья степень экстаза Терезы Авильской — мука желаний:

Вдруг овладевает мной такая любовь к Богу, что я умираю от желания соединиться с Ним..., и кричу, и зову Его к себе... Мука эта такая сладостная, что я не хочу, чтобы она когда-либо кончилась... В эти минуты душа — как повешенный, который, чувствуя веревку на шее, задыхается. (с.67)

Здесь опять желаются больше муки, чем Сам Бог, — своеобразный, если будет позволено сказать, мазохизм.

Четвертая степень экстаза — видения Христа. Они начинаются со своеобразного призыва:

Душу зовет Возлюбленный таким пронзительным свистом, что нельзя этого не услышать. Этот зов действует на душу так, что она изнемогает от желаний. (с.69)

Затем является сам «Христос». Вот некоторые черты этих явлений:

Страстно иногда хотелось мне увидеть, какого цвета и очертания глаза Его... Я часто замечала, что Он смотрит на меня с невыразимую нежностью, но сила

этого взгляда была такова, что я не могла его вынести. (с.70)

Далее она пишет:

Чувствует себя душа упоительно раненной, но не знает кем, и начинает жаловаться, как возлюбленная... Смерть кажется душе в такие минуты упоительным восторгом в объятиях Возлюбленного... Я хотела бы растерзать сердце мое на части, чтобы только сказать, как мука эта сладостна... О, какое блаженство — смерть в объятиях Возлюбленного, в упоении любви!.. Часто Он (Христос) мне говорит: «Отныне Я — твой, и ты — Моя!».. Эти ласки Бога моего погружают меня в несказанное смущение. (с.72)

Господи, или страдать (с Тобой), или умереть (за Тебя)!

— молится Тереза и падает в изнеможении под этими ласками, закатывая глаза и дыша все чаще; по всему телу ее пробегает содрогание.

Такой же опыт имела и блаженная Андже́ла (сконч. в 1309 г.). Приведем его в описании А.Ф.Лосева:

Дух Святой является блаженной Андже́ле и нашептывает ей такие возлюбленные речи: «Дочь Моя сладостная Мне, дочь Моя храм Мой, дочь Моя наслаждение Мое, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня.»⁴² Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А Возлюбленный все является и является и все большие и большие разжигает ее тело, ее сердце, ее кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем. Она сама через это входит в Бога: «И виделось мне, что нахожусь я в середине Троицы...» Она просит Христа показать ей хоть одну часть тела, распятого на кресте; и вот Он показывает ей... шею. «И тогда явил Он мне Свою шею и руки. Тот час же прежняя печаль моя превратилась в такую радость и столь отличную от других радостей, что ничего не видела и не чувствовала, кроме этого. Красота же шеи Его была такова, что невыразимо это. И тогда разумела я, что красота эта исходит от Божественности Его. Он же не являл мне ничего, кроме шеи этой, прекраснейшей и сладчайшей. И не умею сравнить этой красоты с чем-нибудь, ни с каким-нибудь существующим в мире цветом, а только со светом тела Христова, которое вижу я иногда, когда возносят его.» Что может быть более противоположно византийско-московскому суровому и целомудренному подвижничеству, — заключает философ, — как не эти постоянные кощунственные заявления: «Душа моя была принята в несотворенный свет и вознесена», эти страстные взирания на крест Христов, на раны Христа и на отдельные члены Его тела, это насильственное вызывание кровавых пятен на собственном теле и т.д. и т.д.? В довершении всего Христос обнимает Андже́лу рукою, которая пригвождена была ко кресту, а она, вся исходя от томления, муки и счастья, говорит: «Иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что входит она в бок Христов. И ту радость, которую приемлет она там, и озарение рассказать невозможно. Ведь так они велики, что иногда не могла я стоять на ногах, но лежала, и отымался у меня

язык... И лежала я, и отнялись у меня язык и члены тела.»⁴³

Д.С.Мережковский тонко прочувствовал эти переживания и дал им такое сравнение:

Если бы нечестивая, но опытная в любви женщина увидела ее в эту минуту, то поняла бы, или ей казалось бы, что она понимает, что все это значит, и только удивилась бы, что с Терезой нет мужчины; а если бы и в колдовстве была эта женщина опытна, то подумала бы, что с Терезой вместо мужчины тот нечистый дух, которого колдуны и ведьмы называют «Инкубом»⁴⁴. (с. 73.)

О высшей точке экстаза Тереза пишет:

Справа от себя увидела я маленького Ангела... и узнала по пламени на лице его Херувима... Длинное, золотое копье с железным наконечником и небольшим на нем пламенем было в руке его, и он вонзал его иногда в сердце мое и во внутренности, а, когда вынимал из них, то мне казалось, что с копьем он вырывает и внутренности мои. Боль от этой раны была так сильна, что я стонала, но и наслаждение было так сильно, что я не могла желать, чтобы кончилась боль. (с. 74-75)

Прокомментировать все эти и многие другие «откровения» можно словами А.Ф. Лосева:

Это, конечно, не молитва и не общение с Богом. Это — очень сильные галлюцинации на почве истерии, то есть прелесть. И всех этих истериков, которым является Богородица и кормит их Своими сосцами; всех этих истеричек, у которых при появлении Христа сладостный огонь проходит по всему телу и, между прочим, сокращается маточная мускулатура: весь этот бедлам эротомании, бесовской гордости и сатанизма — можно, конечно, только анафематствовать, вместе с Filioque, лежащим у католиков в основе каждого догмата и в основе их внутреннего устройства и молитвенной практики. В молитве опытно ощущается вся неправда католицизма.⁴⁵

Типичность мистики Терезы.

Здесь может возникнуть возражение, что нельзя по одной Терезе судить обо всем католичестве. Прежде, чем ответить на это возражение, нужно рассмотреть вопрос о том, как соотносятся выдающиеся люди с той средой, в которой они вырастают. Для этого имеет смысл использовать метод типологии, примененный А.Ф.Лосевым при характеристике Платона. Предпосылка к этому методу состоит в том, что гениальность древнегреческого философа выразилась лишь в умении выразить интуиции, циркулировавшие в той среде, где он жил. Если бы он не питался этими соками народной жизни своей эпохи, то не смог бы создать своей системы. И так в отношении всякого гения: он создает из того материала, который предлагает ему народная жизнь. Гений — это как высокое дерево, вырастающее на определенной почве. И плоды этого дерева зависят от почвы, из которой оно

вбирает в себя соки. Именно поэтому мы можем говорить о мистике Терезы Авильской, как характерной для всего латинства. Она может быть лишь более интенсивной, чем остальные проявления интуиций католичества, но не чуждой им.

Православная брачная мистика.

Мистику католических святых очень часто сравнивают с духовным опытом таких православных мистиков, как св. Григорий Нисский, псевдо-Дионисий Ареопагит, преп. Иоанн Лествичник, преп. Симеон Новый Богослов (особенно) и др.

Действительно, эти святые тоже говорили о любви к Богу, употребляя для обозначения такой любви греческое слово **эрос**. Вот некоторые свидетельства этого:

Пусть телесная любовь станет образом возжелания к Богу,

— пишет св. Иоанн Лествичник.⁴⁶ И далее уточняет:

Блажен возжелеющий к Богу с той же силой, с какой безумно влюбленный возжелеет к своей возлюбленной.⁴⁷

Однако, брак является для Православия символом, а эрос, который испытывает мистик, — полностью сублимирован, преображен, очищен от всякой похоти и либидо.

Тереза же, движимая непреображенной страстью, переживает его только по отношению ко Христу — Христу как человеку, мужчине. От этого она склонна была даже как бы восставать на Отца, Который был для нее олицетворением Бога вообще, за то, что Он допускает страдания Сына:

Как мог Ты согласиться, Отец, чтобы Сын Твой каждый день отдавал Себя на растерзание людям? (с.59)

О своей любви ко Христу Тереза пишет:

Я бы радовалась бы, если бы другие прославлены были на небе больше, чем я; но не знаю, радовалась ли бы я, если бы кто-нибудь любил Бога на земле больше, чем я.

Далее Мережковский достаточно точно добавляет:

«Бога», — говорит она, но может быть точнее было бы сказать: «Сына Божия», или даже «Сына Человеческого». (с.71)

Такой же похотливый эрос, только в более грубой форме, испытывали вакханки, разрывавшие в чрезвычайном половом возбуждении на части животных или собственных детей, служивших им олицетворением их бога Диониса.

Подобные различия между **этикой** православной и католической, как между преображенной и непреображенной, лучше всего видны в различии восточной и западной **эстетики**, которая выражается в церковном искусстве. Это чрезвычайно обширная область для исследования. Поэтому мы остановимся на наиболее характерных ее фрагментах.

Начать сопоставление стоит хотя бы с иконы.

**Православие
и католичество:
сопоставление
эстетик. Икона.**

Православное видение Бога, человека и мира нашло себе адекватное отражение в так называемом **каноническом** стиле иконописи. Для тех, кто не знает, каковы отличительные черты такого стиля, можно привести примеры Владимирской иконы Божьей Матери, «Троицы» Андрея Рублева и т.п.

На этих и подобных им иконах все изображения кажутся нереальными, а для скептиков даже карикатурными: неестественные, как бы балансирующие позы, нереальные черты лица и т.д. Но дело в том, что так изображаются преображенные люди и космос. Поэтому стиль православной иконописи можно определить как **сверхреалистический**. Тот мир, какой мы привыкли видеть, на самом деле не должен быть таким — он искажен, как и человеческая душа. Но когда человек путем внутреннего делания, очищения сердца от страстей стяжает благодать Святого Духа, исправляя свое поврежденное естество и преображаясь, вокруг него преображается и мир. Такая восстановленная Богом тварь и изображается на канонических иконах.

Этого же стиля придерживалось и западное иконописное искусство до определенного времени. Впоследствии чатинство отступает в сторону так называемой реалистической живописи, которую принято еще называть **академическим** стилем письма. Мир на католических иконах начинает изображаться в его падшем состоянии. Здесь он безблагодатен, замкнут в себе, лишен связи с горним миром — икона полностью отображает мировоззрение католицизма, сделавшего благодать тварной.⁴⁸ Такая икона может породить в душе созерцающего ее только слащавый сентиментализм при виде пухлых и розоватых телец «Богомладенцев», или самую настоящую похоть⁴⁹ и то, что в православной молитве звучит как «чуждою добротою уязвихся», при виде слишком женственного лика Богородицы.

Замечательно точные слова для характеристики «Сикстинской Мадонны» Рафаэля нашел православный священник отец Сергей Булгаков. Он видел впервые ее в молодости, и был, по собственным его словам, поражен ее красотой. Но совсем по-другому он отнесся к ней, когда много позже, будучи уже в сани, получил возможность еще раз увидеть ее:

Здесь — красота, лишь дивная человеческая красота, с ее религиозной двусмысленностью, но... безблагодатность. Молиться перед этим изображением? — это хула и невозможность! Почему-то особенно ударили по нервам эти ангелочки и парфюмерная Варвара в приторной позе с кокетливой полуулыбкой... Какая-то кощунственная фамильярность: Ну можно ли после видения Божией Матери брать такой тон? Это не икона, это картина. Грядет твердой человеческой поступью по густым тяжёлым облакам, словно по талому снегу, юная мать с вещим младенцем. Нет здесь Девства, а наипаче Приснодевства, напро-

тив, царит его отрицание — женственность и женщина, пол... Я наглядно понял, что это она, ослепительная мудрость православной иконы, обезвкусила для меня Рафаэля, она открыла мне глаза на вопиющее несоответствие средств и заданий... Красота Ренессанса не есть святость, но то двусмысленное, демоническое начало, которое прикрывает пустоту, и улыбка его играет на устах леонардовских героев...⁵⁰

Так средствами искусства отображен молитвенный опыт латинских святых, как об этом пишет и отец Андрей Кураев:

Различие картины и иконы — не просто различие двух художественных школ. В нем сказывается существенное расхождение именно молитвенного опыта.⁵¹

Те же интуиции нашли себе выражение в храмовой архитектуре. Если в описании практически всех отечественных писателей русский православный храм предстает исключительно как символ радости и ликования, то совсем другие чувства внушает «капризный», по выражению А.Ф.Лосева, готический собор, особенно средневековый. Здесь статуи Христа, Богоматери и святых нашли себе странное для православного мировосприятия соседство со всевозможными монстрами и химерами.

Да и вообще, даже светские исследователи поражаются фантазии, с какой средневековые переписчики изобретали всевозможных чудовищ и уродов, изображая их на полях духовных книг.

Все это говорит о болезненности средневековой западной религиозности, которая не исчезла и сейчас.

Данное очень и очень фрагментарное знакомство с латинской эстетикой хотелось бы завершить словами специалиста в этой области — А.Ф.Лосева:

Православное учение о Пресвятой Троице так же отличается от католического Filioque, как вселенско-ликующее умозрение колокольного звона от сдавленно-субъективного торжества универсально-личностной самоутвержденности органа, как простота и умная наивность византийского купола от мистических капризов готики, как умиленное вдение иконного лика от нескромного осознания и зрительно-го взвешивания статуи.⁵²

На этом можно закончить краткое рассмотрение рецидивов эллинского язычества в католичестве. Но не меньшую роль в нем играет также латинское язычество. Оно, в частности, нашло себе отражение в тотальном юрицизме католичества.

Остановимся на этом подробнее. Для этого сначала нужно определить некоторые основные интуиции римского язычества.

Римское язычество.

Вообще говоря, при всей набожности римлянина, которую современники приписывали ему в качестве одной из основных его характерных черт, ему было бы лучше, чтобы богов вообще не было, и он бы сам был хозяином своей жизни. Но поскольку он иногда чувство-

вал их вмешательство в его судьбу, да и сам обычай почитать богов шел с самой старины, окруженной для него ореолом безошибочности и в некотором смысле святости, с их присутствием нужно было мириться. Более того, с высшими силами можно было договориться и, выполняя определенные обязанности перед ними, самому требовать исполнения со стороны богов обязанностей перед ним, римлянином, что нашло себе точное выражение в формуле *do ut des* — даю, чтобы ты мне дал. Оставалось дело за малым: определить сферу прав и обязанностей человека перед богами и богов перед людьми.

И тут на помощь пришло знаменитое римское право, которое зародилось именно в жреческой среде. Сначала оно служило исключительно регулированию взаимоотношений между земной и небесной сферами. Жрецы устанавливали количество и способ жертвоприношений, записывая отдельные случаи и затем систематизируя их. И только позже эти записи стали служить для регулирования взаимоотношений между людьми, то есть составили собственно гражданскую юриспруденцию.

Что же входило в обязанности человека? — Прежде всего совершение культовых действий и жертвоприношения. Главное было — правильно совершить все обряды; при этом не важной считалась нравственная чистота человека. Это приводило к поразительному формализму. Так, если жрец делал ошибку хотя бы в одном слове молитвы (а нужно сказать, что культ в древнеримской религии был чрезвычайно сложным), обряд повторялся заново. Да и во времена гонений на христианство сами мучители, заставлявшие христиан приносить жертву богам, признавались, что не верили в них и от христиан не требовали такой веры. Главное было исполнить обряд.

Такой формализм доходил до курьезов. Так, например, один римлянин обязался за определенную услугу со стороны божества принести ему в жертву сто голов. Это было записано и подтверждено жрецом. Когда пришел черед отдавать долг, римлянин принес в жертву сто...головочек чеснока — ведь в договоре не говорилось конкретно о скоте.

Понятно, что римляне не ощущали живого действия молитвы. Цель их молитвы была не она сама, как факт Богообщения, но только получение благ и милостей от богов. Также не могло быть и речи о существовании у римлян богословия как такового. Так как для рождения богословия требуется любовь к Богу.

Проникновение язычества в западное христианство.

Позже все эти интуиции римского язычества перешли в западное христианство. Безусловно, это произошло не сразу. Дух евангельской проповеди надолго восторжествовал на землях Западной Римской империи, отчего римская церковь действительно обладала огромным авторитетом среди восточных христиан и справедливо считалась оплотом Православия. За это она получила статус «Вселенского патриархата». Поэтому, кстати говоря, многие святые отцы называли римскую церковь пер-

венствующей в любви, утверждением церквей и т.д. Это было не из-за преинства римского епископа от апостола Петра, как считают католики, но потому, что действительно на протяжении веков эта церковь была образцом благочестия и любви.

Но со временем в сознание многих пап начала проникать мысль об исключительности римского престола только в силу того, что он был римским и его некогда занимал Петр.

Эта гордость постепенно возрастала, пока не привела Рим к «нравственному бра-тоубийству», выражаясь словами Хомякова. Тогда римская церковь демонстративно проигнорировала мнение восточной церкви, единолично провозгласив учение о Filioque.

По мере возрастания гордыни западной церкви Господь попускал, чтобы в ней все больше и больше проявлялись черты давнего придушенного язычества, в том числе и латинского. Западное христианство вобрало в себя весь юридизм и формализм римского язычества.

Например, в отношении к совершению таинств. Согласно римскому вероучению, они совершаются в силу самих действий священника, тогда как для Православия — в силу молитв Церкви об их совершении.

Такой же формализм породил папство. Для православного человека самому нужно стать святым, чтобы понимать догматы и Священное Писание. Его главный авторитет — Дух Святой, живущий в его сердце. Но для того, чтобы Его стяжать, нужно много потрудиться. Однако такого труда испугались католики и создали себе видимый формальный авторитет — папу. Как писал Л. Карсавин,

Папская идея была сильна своей осязательностью.³³

Однако эта формализация и визуализация авторитета не давала развиваться в душе человека внутреннему и живому авторитету, то есть святости.

Католическое учение о спасении.

Наиболее сильно формализм и юридизм латинства проявился в сотериологии — учении о спасении. В нескольких словах оно таково. Бог сотворил первых людей с равной склонностью как ко злу, так и к добру. Но чтобы люди выбирали добро, Он дал им так называемую **добавочную благодать** (gratia addita). Адам и Ева нарушили в раю заповедь Божию, чем неизмеримо прогневали Господа. Он в гневе забрал у них добавочную благодать и выгнал из рая. Безмерно было оскорбление Бога, такую же безмерную жертву нужно было Ему принести, чтобы умиловать Его. Люди не могли этого сделать, поэтому на землю и сошел Сын Божий, чтобы принести Себя в жертву Отцу и утихомирить Его. Кровь Христа, наконец, умиловила Бога, и Он дал людям опять возможность через Крещение принимать добавочную благодать. При этом происходит так называемый процесс **влития благодати** (infusio gratiae)³⁴

Эта система есть самое очевидное кошунство, где Бог представляется небесным тираном, которого может успокоить и привести в чувство только кровь, и не кого-нибудь постороннего, но собственного Сына! И это при том, что Он повелел людям прощать ближнему все прегрешения.

Здесь еще один важный юридический момент: каждый получает спасение в силу суммы добрых дел, которую имеет. Определенное их количество является как бы пропуском на небо — чем не новое воплощение принципа *do ut des*. Добрые дела также являются своеобразной денежной единицей, которую можно заработать и передать другому — у кого ее мало. Так появилось учение об **индугенциях** — сверх-должных заслугах, которые можно купить даже за деньги.

В общем, всю эту систему можно представить следующим образом, как это делает отец А.Кураев:

Мир стал трибуналом, где Бог — судья, человек — преступник, диавол — прокурор, а Христос — адвокат.

Православное учение о спасении.

Теперь нам нужно коротко остановиться на том, как видит историю грехопадения и спасения человечества восточное христианство. Для Востока следствия грехопадения всегда мыслились не юридически, то есть как прогневание и оскорбление Бога, но онтологически, то есть как искажение человеческого естества. Это видно из библейского описания грехопадения Адама и Евы: они спрятались от Бога, потому что почувствовали угрозу своим правам с Его стороны, хотя до этого жили в безграничном доверии к своему Господу и Творцу. Но на самом деле Благой и Неизменный Бог не изменил Свое отношение к прародителям, просто они сами по-другому стали видеть Его, утратив способность отзываться на любовь Божию. Случившаяся внутренняя катастрофа в человеке обрекла его на непреодолимую склонность ко греху.

Таким образом, на Востоке грех оказывается не виной, но раной, наносимой человеком собственной душе, «медной стеной», воздвигаемой им самим (а не Богом) между ним и Небом:

И собака, когда лижет свою рану, от сладости не ощущает болезни, что она пьет собственную кровь (преп. Петр Дамаскин).

Пришествие Спасителя было необходимо прежде всего для исцеления больного человеческого естества. Отсюда становится понятным, почему основным аргументом против всех христологических ересей у святых отцов было следующее:

Что Христом не воспринято — то не уврачевано.

То есть Христос воспринял всю человеческую природу, чтобы в Себе ее исцелить и обожить. И это относился не только к человеку, но и к миру, исказившемуся вслед за душой человека. Об этом так сказано в анонимной пасхальной гомилии III века:

Ранее, до Его долготерпеливой жертвы, мир был извращен... Весь мир был обречен на неизбежную гибель..., если бы Великий Иисус не испустил Божественный Дух со словами: «Отче, в руки Твои предаю Дух Мой» (Лк. 23,46). И когда вознесся Божественный Дух, оживотворенная и окрепшая Вселенная обрела новую устойчивость.

Также добрые дела не являются в Православии самоцелью, но лишь средством достижения сердечной чистоты. Цель же — обожение и Боговидение, как это выражено в словах Климента Александрийского (III век):

Если бы гностику предложили выбор между познанием Бога и вечным спасением, предполагая, что это — вещи различные (по сути же они — совершенно тождественны), он без всякого колебания выбрал Богопознание⁵⁵.

Поэтому отцы-пустынники различали две степени подвижничества: *πράξις* и *θεωρία* — добродетель и созерцание. На первой стадии человек умягчает свое сердце, предрасполагая его к любви, а после этого может предаваться созерцанию, даже не творя добрых дел.

И после смерти не Бог наказывает грешника адскими муками, так как безмерно любит его, но человек сам своим злом обрекает себя на страдания. Апостол Иоанн Богослов так описывает картину Суда:

Верующие в Него (Сына) не судятся, а неверующий уже осужден, потому что не веровал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

(Ин. 3, 18-21)

Любовь Божия к человеку рождает в нем только злобу, поскольку, как это прекрасно показал Владимир Соловьев,

действительное благодетельство в конце концов увеличивает добро в добром и зло — в злом. И действительная доброта, проникая в более глубокие моральные слои злодея, обнаруживает его внутреннюю нравственную негодность и, достигая наконец до дна его души, будит там крокодила зависти.⁵⁶

Также преп. Исаак Сирин говорил, что наказуемые в аду наказываются бичом Божественной любви.

Таким образом, причиной мучений грешников является любовь, кротость и всепрощение Божие, но никак не бедность на добрые дела.

**Юризм:
искажение этики.**

Юризм в католичестве привел к искажению моральных черт Христа, Богородицы и святых. Это видно, например, в западно-европейском народном религиозно-литературном творчестве, в частности, фран-

цузских ехемпла XIII века — коротких рассказах о различных случаях из жизни простых крестьян и горожан.

В описании наказаний Божиих за нерадивость здесь явно прослеживаются моменты садизма, как свидетельство того, что в сознании людей праведность Божия имеет доминирующее значение над Его благодатью. И это действительно месть со стороны горнего мира, а не наказание для вразумления.

Так, например, монах-цистерцианец Цезарий Гейстербахский описывает такие случаи. Христос, сойдя с Распятия, ударил в челюсть спящего по своему обыкновению монаха, которому надлежало бодрствовать вместе с братьями на ночной молитве, и на третий день монах скончался.⁵⁷ Или другой пример. Металлическое распятие, которому звонарь кельнской церкви св. Георгия Победоносца не оказывал почитения, однажды ночью явилось ему и с бранью побило, так что звонарь харкал кровью на протяжении многих дней. Об этом чудесном событии стало известно всему городу, и с того времени этот крест был в еще большем почете, нежели прежде (DM, VIII: 25).⁵⁸ Также Иоанн Креститель, которому не кланялся человек, носивший его имя, — боннский каноник, — не снес обиды и не только попрекнул его в видении, но и так пнул оскорбителя в живот, что тот пробудился от ужаса и боли, а затем захворал и умер (DM, VIII: 61).⁵⁹

Наиболее последовательно это настроение проявилось в явлении «Святой Инквизиции», которая искренне считала, что нечеловеческими пытками спасает душу человека. При этом он мог быть и невиновен. Но инквизицию это не очень сильно беспокоило, так как и в таком случае душа попадала в рай. Нечто похожее случилось во время расправы крестоносцев с жителями города Безье, многие из которых были еретиками. Тогда было уничтожено все население города — около ста тысяч, по замечанию летописца. На вопрос же к епископу, как отличать еретика от католика, тот ответил: «Убивайте всех, Господь отделит Своих» (DM, IV: 38).⁶⁰

Принцип «do ut des» находил себе выражение в том, по словам Гуревича, что

в моменты социальных и иных невзгод верующие прибегали к «принуждению» святых, намеренно лишая их почитания, угрожая им и даже подвергая побоям и поношению мощи, для того, чтобы побудить их вмешаться и оказать людям нужную помощь, на которую они, по их убеждению, имели право.⁶¹

Например, больной конверс пригрозил Христу, что если Он не избавит его от болезни, то пожалуется Его Матери, и Христос внял его словам (DM, VI: 30).⁶²

Конечно, и среди православных расхожими являются подобные представления. Но они говорят лишь о том, что сами «православные» не стали еще вполне православными, пребывая на стадии рабства или наемничества у Бога. Те же, кто стал не только по имени, но и по духу православным, имеют совсем другой опыт. Приведем свидетельство преподобного Силуана Афонского, как ему явился Господь:

На первом году моей жизни в Монастыре душа моя познала Господа Духом

Святым. Много нас любит Господь; познано это от Духа Святого, Которого дал мне Господь по единой милости Своей... Видишь любовь Божию к нам? И кто опишет сие милосердие?... Господь милостив, знает это душа моя, но описать невозможно. Он зело кроток и смирен...⁶³

С другой стороны католический святой Фома Аквинский пишет:

Как противоположное поясняется сопоставлением, так блаженные в раю увидят мучения осужденных, дабы большие радоваться своему блаженству.⁶⁴

Экуменизм.

Из всего сказанного выше видно, что католичество и православие — это два совершенно разных духовных мира, поэтому теряет всякий смысл разговор об экуменизме как слияний традиций Православия и католичества. Ибо как можно будет в таком случае православному человеку сочувствовать опыту Терезы Авильской или Фомы Аквината, если он не становится своим даже для тех русских эмигрантов, которые на Западе приняли католичество. Экуменисты подспудно, сами иногда того не осознавая, пытаются втиснуть православный духовный опыт в прокрустово ложе католической прелестной молитвы и тем самым уничтожить его богатства. Прекрасные слова об этом есть у кардинала Анри де Любака:

Синкретизм как подделка, как изделие правителей и начетчиков, предполагает угасающую веру. Он — оскорбление Богу Живому, По энергичному слову пророков, синкретизм есть блуд. Он и снижает и вульгаризирует все начала, которые соединяет, — таковы ублюдочные жаргоны наших больших портов. Христианство отвергло гнозис, который представлял собой синкретический метод.⁶⁵

Католицизм и католики.

Но, помня о глубокой пропасти, которая разделяет духовный опыт католичества и православия, нужно не забывать и о том, что католичество и католики тоже не всегда одно и то же. Это следует понимать в двух смыслах. Во-первых, каким бы грешником человек ни был, любовь к нему должна быть безмерной, а ненавидеть нужно только его грех. И во-вторых, не всякий человек, принадлежащий католической церкви, является по своему духу католиком, как, впрочем, и принадлежность к Православию еще не делает никого православным. Один священник как-то раз сказал, что Православие — это не факт, но акт.

Поэтому мы можем говорить о католиках и протестантах среди православных и о людях, близких к православию, среди католиков и протестантов, когда они выступают за рамки католицизма, как об этом пишет профессор Леонид Успенский:

Примеры святости в римокатоличестве там, где святость эта соприкасается с православием, оказывается в разрыве с богословием и вне официальной доктрины своей Церкви.⁶⁶

О том, что такое возможно, говорил св. Григорий Богослов. Он писал, что отец Василия Великого по своему происхождению не был православным, и долгое время принадлежал к иудеохристианской секте «ипсистериев» (с соблюдением субботы они вдобавок сочетали почитание огня). Но при этом, даже в таком своем состоянии он воспринимался христианами как свой:

Еще не одного с нами будучи двора, он был уже нашим; ибо и нам принадлежал по своим правам. Как многие от наших бывают не от нас, так многие из не принадлежащих к нам бывают наши, поскольку добрыми нравами предваряют веру и, обладая самою вещию, не имеют только имени.⁶⁷

И такое возможно в силу непреодолимой тяги к совершенству, заложенной Богом в человеке. Когда узкие рамки той или иной религиозной системы (это, безусловно, не относится к Православию, имеющему всю полноту апостольского опыта) сдерживают такое стремление человека, он может даже превзойти их, как об этом пишет Ганс Урс фон Бальтазар, сам во многом оказавшийся шире католичества:

*Мы обнаружили бы неблагодарность к Творцу, если бы представили эту заключенную в человеке способность «превзойти» себя самого как чистое бессилие, эту форму контакта с тем, что стоит выше нашего мира как *fabrica idolorum*, неизбежно приводящую к богохульству. Но мы были бы столь же неблагодарны к Создателю..., если в самом даре благодати не умели бы различить реальности абсолютно новой, абсолютно иной, исполняющей и венчающей усилия человека, лишь целиком их преобразуя.⁶⁸*

Да и самим папизмом Рим не исчерпывается, как замечал отец Георгий Флоровский⁶⁹ — в католичестве есть тоже масса положительного опыта, который достоин того, чтобы быть позаимствованным.

Но тем не менее, это не должно быть поводом для умаления различий между православием и католичеством, тенденция к чему сейчас широко распространена, ибо, по словам Габриэля Марселя,

Мы не можем позволить себе ныне «сократический» поиск истины, свободное и необязательное блуждание по метафизическим пространствам. В религиозной системе «свобода мысли» не может быть терпима: слишком важные вопросы здесь решаются. Ошибка теолога может погубить души тысяч людей.⁷⁰

П р и м е ч а н и я

¹Хотя современная критика считает, что данный текст не принадлежит самому Макарию, его авторитетность от этого не умаляется.

²Цит. по: *Оливье Клеман*. Истоки. М., 1994, с. 245.

³Слово «энергия» греческое и означает «действие». Этим словом Святые отцы именовали **благодать** Божию. К сожалению, сейчас оно скомпрометировано всякого рода экстрасенсами. Для них энергия материализирована, управляема и может вообще существовать сама по себе.

⁴Цит. по: *О. Клеман*, цит. произв., с. 75.

⁵Там же, с. 85.

⁶Учение о том, что в имени Божиим пребывает Сам Бог. Оно было выдвинуто афонскими монахами в начале нашего века.

⁷Разновидность монофизитства. Учение о том, что во Христе была одна — Божественная — воля. Его осудил VI Вселенский собор 680 года.

⁸*А. Ф. Лосев*. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993, с. 900.

⁹*Свящ. Всеволод Рошко*. Письма о. Александру Меню. // Вестник РХД. N. 165 П., 1992, с. 48.

¹⁰Акты Константинопольского собора 1351 года. // Цит. по: *А. Ф. Лосев*, цит. произв., с. 895.

¹¹*Х. Яннарас*. Вера Церкви. М., 1992, с. 82.

¹²*А. Ф. Лосев*, которого трудно обвинить в незнании и непонимании античности, пишет: «Католическая филосо-

фия есть аристотелизм.» (Цит. произв., с. 881.)

¹³*А. Ф. Лосев*, цит. соч., с. 882.

¹⁴Цит. по: *Кардинал Анри де Любак*. Парадокс и тайна Церкви. Реджо Эмилия (Италия), 1988, сс. 159–160.

¹⁵Кстати говоря, подобные рассуждения использовал в полемике с кардиналом Гумбертом Никита Стифат, ученик преп. Симеона Нового Богослова.

¹⁶См.: *A. D. Serillanges*. L'idée de la création et ses retentissements en philosophie. Paris, 1945.

¹⁷*Проф.-прот. В. В. Зеньковский*. Основы христианской философии. М., 1992, с. 131.

¹⁸Это слово буквально значит «и от Сына». Оно взято из католического Символа веры: Spiritus Sanctus., Qui a Patre Filioque procedit...

¹⁹Цит. произв., сс. 881–882.

²⁰Там же, с. 885.

²¹*Св. Григорий Нисский*. Творения, М., 1861, т. 1, с. 97.

²²См. его цитированную работу, с. 61–67.

²³*Игорь Экономцев*. Тайна восьмого дня. М., б. г., сс. 174–175.

²⁴*Бозций*. Утешение философией. М., 1991, с. 172.

²⁵Творения, ч. VI. Сергиев Посад, 1892, с. 88.

²⁶Цит. соч., сс. 70–71.

²⁷*Summa theologiae*, Ia, q. 29. a4.

²⁸Введение в христианство, Брюксель, 1988, с. 134.

²⁹Они приписываются св. Диони-

сию Ареопagitу, ученику апостола Павла, жившему в первом веке. Однако все исследователи относят этот труд к пятому веку. От этого его авторитетность не уменьшается, так как им постоянно пользовались позднейшие отцы Церкви: св. Максим Исповедник, св. Иоанн Дамаскин и другие.

³⁰ Подобное смешение понятий личности и сущности являлось причиной, как уже было сказано, практически всех ересей.

Арианство, например, не поняло, что Абсолют-Личность вполне допускает рядом с Собой существование другого Абсолюта-Личности. Для него Абсолют был всегда единственным.

Аполлинарийство, учившее, что во Христе был один — Божественный — ум, не поняло, что ум относится к сущности, и поэтому на самом деле Христос имел два ума.

Монофизитство совершенно смешало природу с Ипостасью, утверждая, что у Христа была только одна природа.

Несторианство, наоборот, учило, что Христос был двуипостасен.

Монофелитство, как разновидность монофизитства, говорило, что Христос имел одну — Божественную — волю, а человеческой у Него не было. Это заблуждение произошло тоже оттого, что личности приписали то, что принадлежит сущности — волю.

³¹ Лекции по истории Древней Церкви, т.4. Пг., 1918, с.38.

³² Творения. М., 1848-51, т.II, с.350.

³³ Очень четко стремление молиться не к личности, но к сущности видна в католических культах Сердца Иисуса и

Богородицы и прочих «анатомических» праздниках, как их называет проф. Л.Успенский. В подобных медитациях (иначе их и не назовешь) можно обратиться, например, к левой ноге Спасителя и т.д.

³⁴ правило молитвы

³⁵ J. Meyendorff. Initiation a la theologie byzantine. Paris, 1975, p.240.

³⁶ Здесь по ходу необходимо заметить, что протестантизм стоит на одной духовной почве с католицизмом, как писал об этом А.С.Хомяков к своему другу английскому богослову В.Пальмеру: Все протестанты — скрытые паписты (Цит. по: Bishop Kallistos (Ware). The Orthodox Church. Bungay, England, 1993, p.1.)

³⁷ Прот. И. Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985, с.179.

³⁸ Фундаментальные исследования проблемы символизма см. у А.Ф.Лосева. Особенно его работы: «Очерки античного символизма и мифологии», М., 1993, «Проблема символа и реалистическое искусство», М., 1995.

³⁹ А.Ф.Лосев, цит. произв., с.882.

⁴⁰ Факт сам по себе примечательный, идущий вразрез со словами апостола Павла о том, чтобы женщина в Церкви молчала.

⁴¹ Брюссель, 1988.

⁴² Взято из кн.: «Откровение бл. Ангелы», пер. Л.П.Карсавина, М., 1918, с.95, 100 и т.д.

⁴³ Цит. соч., сс.884-885.

⁴⁴ Здесь Мережковский имеет ввиду факты половых отношений с бесами.

⁴⁵ Цит.соч., с.885.

⁴⁶ Лествица, слово 26,31.

⁴⁷Там же, слово 30,5.

⁴⁸В XVI-XVII веках этот стиль проник и в Россию через Псковскую и Новгородскую иконописные школы, так как они находились в непосредственной близости с католическими землями. Также очень сильно католическая религиозная живопись повлияла на украинскую школу, отчего в ней возникло так называемое «украинское барокко» — целое направление, надолго пленившее развитие религиозного искусства на наших землях.

⁴⁹По признанию Мадонны, она впервые испытала чувство полового возбуждения именно в католическом храме.

⁵⁰Цит. по: *о. А. Кураев*. Традиция, догмат, обряд, М., 1995, с.178.

⁵¹Там же, с.179.

⁵²Цит. соч., с.883.

⁵³Аскетизм и иерархия.//Минувшее. Исторический альманах. XI, М.,-СПб., 1992, с.213.

⁵⁴Эти же идеи, только в более смягченном виде, проникли и в школьное богословие дореволюционной России и продолжают жить, к сожалению, и сейчас. Только жертва Христа здесь принесена не Богу, но мифической правде Божией, которая в таком случае ограничивает абсолютную свободу Бога.

⁵⁵Stromata, IV, 22. *Migne*, PG 8, coll. 1345 — 1348.

⁵⁶Три разговора, М.,1991, с.119.

⁵⁷Caesarii Heisterbacensis monachi ordinis Cisterciensis Dialogus miraculorum (DM),IV:38//Цит. по *А.Я.Гуревич*. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989, с.29.

⁵⁸Там же.

⁵⁹Там же.

⁶⁰Там же с.296.

⁶¹Там же, с.32.

⁶²Там же, с.33.

⁶³*Иеромонах Софроний*. Старец Силуан. Фессалоники, 1994, с.33.

⁶⁴Цит.по: *о. А.Кураев*. Традиция, догмат, обряд. М., 1995, с.168.

⁶⁵Цит. по: *о. А.Кураев*. Все ли равно как верить? М.,1994, с.155.

⁶⁶Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989, с.398.

⁶⁷Творения, т.I. СПб., б.г., с.264.

⁶⁸Цит. по: *Анри де Любак*. Парадокс и тайна Церкви. Реджо Эмилия (Италия), 1988, с.123.

⁶⁹Проблема христианского воссоединения.//Символ №12, Париж, 1984, с.34.

⁷⁰Цит. по: *о. А.Кураев*. Традиция, догмат, обряд. М.,1995, с.180.